

VERONICA ENKO

САГРАМ

ТОМ I

ДО ШРАМА

SCI-FI ROMANCE

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Veronica Enko

Саграм. До шрама

«Автор»

2026

Enko V.

Саграм. До шрама / V. Enko — «Автор», 2026

Год назад Лисса провела ночь с мужчиной, которого больше никогда не надеялась увидеть. Теперь он снова появился в её жизни. Только Касл не человек. Он принадлежит к вымирающей расе с далёкой планеты Омега. Его народ обречён на исчезновение, и Земля может оказаться их последней надеждой. Получив заказ на перевод древних рукописей, Лисса оказывается втянута в мир чужих тайн, энергетического Потока и опасностей, которые веками скрывались рядом с людьми. А ещё — в мир мужчины, который готов защищать её любой ценой. Даже если ради этого придётся разрушить её жизнь. ***— Ненавижу ненавижу, ненавижу. Если бы ты знал, как я тебя ненавижу. Мне хочется спать. Голова раскалывается, тело ноет, а сил сопротивляться больше нет. Чувствую, как его руки бережно поднимают меня и укладывают на кровать. «Не уходи» — думаю я. «Не уйду», — отвечает он. Наверное, это просто моё измученное воображение. «Больше тебе не верю». «А ты поверь». «Когда-нибудь я тебя убью милый».

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. СКОТЧ С ЛИМОНОМ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Саграм. До шрама

ПРОЛОГ

Наши дни

— Твою же мать!

Мужчина, на вид лет тридцати, громко ругнулся. После стольких дней изнурительных раскопок он, всё-таки нашел что-то стоящее в этой забытой богом дыре. Какое там «что-то стоящее»... Да это же будет сенсация века. Глобальный скандал. ЭТО перевернёт все теории о происхождении жизни на Земле.

Андрей уже представлял лица этих зануд-учёных, вечно заводивших свою шарманку о том, что люди произошли от обезьян. Когда два месяца назад поступил государственный заказ на археологические раскопки в Сибири, он отнёсся к этому скептически. Аргументировал тем, что даже если рабочие, копая нефтяную скважину, случайно на что-то наткнутся, то это вряд ли окажется чем-то оригинальным. А тут — такое.

— Дмитрий Сергеевич! Саша! Сюда, быстро! — выкрикнул он в рацию, едва сдерживая дрожь в голосе.

Почти сразу в динамике раздался раздражённый, вечно ворчащий голос Саши:

— Да что ты орёшь так, блин, на всю тайгу? Успокойся уже. Оглохну же к чёртовой матери.

— Саша, оставь его в покое. Не видишь — парень на взводе? — это уже подал голос Дмитрий Сергеевич. — У него это первые серьёзные раскопки. Наверняка нашёл какой-нибудь камушек, вот и чудится клад.

В рации раздался дружный хохот коллег. Андрей сердито тряхнул головой, стирая пот со лба.

— Да спускайтесь вы уже, чёрт возьми! — снова крикнул он с пятидесятиметровой глубины.

— Андрюш, да не ори ты так, — отозвался Дмитрий Сергеевич, и Андрей услышал щелчок переключателя. — Сейчас спустимся, только генератор лифта включу!

Кто же мог подумать, что детдомовский Андрей чего-то добьётся в жизни?

Он никогда не знал, что такое нормальное воспитание, доброе слово или тёплый ужин, не говоря уже о чистой постели и спокойном сне. Всё его детство прошло в борьбе за выживание, за «тёплое» место в подвале и кусок заплесневелого хлеба.

Сколько раз он проглатывал обидные оскорбления: «тварь», «скотина», «ублюдок»? И все они были адресованы ему. Сколько раз в попытке защититься от таких же «тварей», он был вынужден терпеть удары тяжёлых кулаков и в одиночестве лить слёзы, перемешанные с кровью? На его глазах избивали других, а он — слабый и голодный, не мог их защитить. У него не было никого, кому можно было бы поплакаться, не было тёплых объятий, в которых можно было бы укрыться от этого жестокого мира.

Вечно голодный, в обносках, покрытый синяками — Андрей был зол на всю Вселенную и готов бросаться на каждого встречного, пока не встретил Дмитрия Сергеевича.

На тот момент его шансы на нормальную человеческую жизнь были равны нулю. Да, он не знал в детстве любви и родительского тепла, но после знакомства с опекуном эти чувства нахлынули на него разом. Они не оставили ему времени, чтобы привычно спрятаться в свой защитный панцирь.

Андрей впустил Дмитрия Сергеевича в своё сердце, и тот научил его самым сложным, но жизненно необходимым формулам: заботе, доброте и любви. Он заменил ему отца, которого семнадцатилетний Андрей никогда не знал. А Андрей, в свою очередь, стал для него сыном.

Когда-то в прошлом, в тот самый морозный зимний день они спасли друг друга от смерти

Была очередь Андрея добывать деньги и еду для шпаны. Его бы просто не пустили в подвал, вернись он с пустыми руками. На тёмной, неосвещённой парковке у небольшого маркета Андрей заметил мужчину в длинном чёрном пальто. Тот не спеша шёл к своей машине с пакетами в руках. Долго не думая, Андрей подошёл к нему со спины и направил в поясницу старый «общий» пистолет банды.

— Отдай кошелёк, старик... — негромко, стараясь придать голосу хрипоты, произнес он.

«Старик» замер. Он не пытался обернуться на голос, звучащий за спиной, — просто застыл на месте.

— Слышь, старик, отдавай кошелёк, кому сказал!

Дмитрий Сергеевич медленно развернулся. Он долго и внимательно рассматривал Андрея. Руки начинающего налётчика задрожали, и на лбу выступила холодная испарина.

— Давай же, мужик. По-хорошему отдай, и разбежимся!

Его мутило от одной мысли нажать на спуск, «празднуя» таким образом не только свой дебют в банде, но и начало карьеры убийцы. Но вопреки его ожиданиям, мужчина спокойно бросил пакеты на снег и достал из внутреннего кармана пальто чёрный кошелёк.

— Так ты подойди и забери, — ухмыльнулся тот и протянул Андрею кошелёк.

Андрей, не веря, что всё получилось так легко, сделал два шага. Он осторожно протянул руку, чтобы забрать вождельный объект.

Его пальцы уже коснулись кожаной поверхности, когда всё произошло мгновенно. Лоб Андрея с глухим стуком встретился с холодным капотом машины, а руки оказались резко вывернуты за спиной. Из груди невольно вырвался громкий крик.

— Ты что, пацан, фильмы совсем не смотришь?! — Дмитрий Сергеевич крепко держал его, и, судя по голосу, ситуация его изрядно забавляла.

Он ловко вытащил ремень и начал связывать Андрею запястья.

— Дураку понятно, что нельзя ничего из рук брать. Сколько же таких сцен в кино было, а? Один угрожает пушкой, а второй кидает нужный предмет ему под ноги. Под ноги, слышишь? А ты? Какой из тебя бандит после этого? Ну и молодежь пошла — даже грабить по-человечески не умеют.

После «близкого знакомства» с капотом Андрей начал приходить в себя. Естественно, тут же накатил паника. Он задёргался и, не раздумывая, заорал на всю парковку:

— Помогите-е-е!

Но на последней букве его голова снова встретилась с чем-то твёрдым — на этот раз, кажется, с верхним краем двери.

Мир вспыхнул искрами, и глаза накрыла плотная темнота.

Проснулся он от ведра ледяной воды. Андрей обнаружил себя связанным на стуле посреди серого, плохо освещённого гаража.

Старик явно пересмотрел мафиозных фильмов. Чёрт! А может, он и правда... того? Мафиози? И надо же было в первый же раз наткнуться на гангстера! Чёрт, чёрт, чёрт!

— Как звать? — грубо спросил Дмитрий Сергеевич.

— Да пошёл ты!

— «Да пошёл ты» — это имя или фамилия? — так же грозно уточнил мужчина.

— Да пошёл ты! — снова огрызнулся Андрей.

— А я — Дмитрий Сергеевич Тосопкин. Так меня и зови.

Дальше они беседовали долго. Точнее, говорил Дмитрий Сергеевич, а Андрей «внимательно» слушал, раз за разом повторяя своё новое «имя». Но мужчина не обращал на это внимания. Он продолжал говорить до тех пор, пока Андрей не выдержал и не выдавил:

— Да Андрей я!

— Вот и познакомились, Андрюш, — произнес мужчина с лёгкой усмешкой и странной, почти отеческой мягкостью.

И именно эта мягкость что-то задела внутри, что-то щёлкнуло, и парень расплакался. Впервые в жизни, при ком-то.

Какой позор! Взрослый пацан, а реву как девчонка.

Но следующие слова заставили его резко прекратить это «мокрое дело»:

— Обещаю, Андрюша: это твои последние слезы. Пошли завтракать, я давно накрыл на стол, а ты всё дрыхнешь. Вот и пришлось тебя... водой.

— За что? — тихо спросил Андрей.

— Так ты не просыпался, вот я и...

— Да нет. За что вы так со мной? — со стыдом выдохнул парень. — Я же ограбить вас хотел, а вы...

Мужчина долго смотрел на него. Глубоко вздохнул и ответил:

— За то, что ты меня спас, Андрюш. Спас, понимаешь? Ты вчера тыкал в меня своей дурацкой пушкой и даже не подозревал, что этим вытаскиваешь меня из петли.

Андрей подозрительно уставился на своего похитителя, в очередной раз задаваясь вопросом: всё ли у того в порядке с мозгами?

— На прошлой неделе я сына потерял, Андрюш. Такого же, как ты: молодого, упрямого. Скалолазом он был...

Понятно. Я похож на его сына, и мужик решил, что нашёл замену. Надо делать ноги, и срочно. Старик походу ку-ку.

А мужчина, стоящий перед ним, будто прочитал его мысли:

— Ты не подумай, Андрюша, я тебя не из-за сына сюда притащил. Вы разные, совсем не похожи. Он был намного старше тебя, да и у меня мозги в порядке. Только, понимаешь... не было у меня смысла жить дальше. Он был для меня всем. Мой единственный смысл. А он сорвался. Девчонку одну спас — отдал ей своё крепление, а его собственное не выдержало.

Мужчина на мгновение замолчал, а потом тяжело опустил на пол.

— И он... — его голос сорвался.

Андрей впервые в жизни видел, как взрослый, крупный мужик плачет, словно ребёнок. Громко, не пытаясь это скрыть или отвернуться.

— И он позвонил мне... оттуда. Со скалы. Прощаться, наверное...

Андрей видел, как слёзы ручьём текут по щекам этого странного человека, и, на удивление, вместо раздражения почувствовал острую жалость.

— А я ему даже слова сказать не дал. Ляпнул быстро: «*Лёшка, сейчас перезвоню, через две минуты!*» Я тогда из-под земли на лифте поднимался — шум, связь почти не ловила. А он мне в ответ: «*Хорошо, пап*». Понимаешь, Андрюш? Он мне только: «*Хорошо, пап*».

Дмитрий Сергеевич продолжал плакать, а Андрей смотрел на него и впервые понимал, что такое настоящая боль. Боль — это не когда тебя бьют или унижают. Не когда тебе нечего есть. Боль — это когда ты хоронишь своего ребёнка.

— ...у меня телефон сел. А когда зарядил и перезвонил, мне ответила рыдающая девчонка. Она и двух слов связать не могла, чтобы объяснить, что случилось.

Закончив свою историю, он замолчал и уставился в одну точку на полу. Никто из них не хотел нарушать тишину. Эта тишина была для них обоих спасительной. Она окутывала, убаюкивала, связывала их невидимыми нитями, словно заключая между ними негласное соглашение: быть рядом и доверять друг другу.

Дмитрий Сергеевич наконец успокоился и заговорил снова:

— Вчера, Андрюш, я собирался слетать в те места, где погиб мой сын, и там распрощаться со своей жизнью. Как — я ещё не придумал. Ну, вот появился ты и назвал меня «стариком». Меня. Стариком. В пятьдесят пять лет. Я же молодой ещё, а ты меня «старик». И я тогда понял. Понял, что ты — моё спасение. А ещё я обязан из тебя сделать человека, Андрюш. Ведь, кроме тебя и моего сына, «стариком» меня никто ещё не называл. И я просто обязан вдалбливать тебе это много лет вперёд, так же как и моему сыну: какой я вам «старик» — я же любому молодому фору дам! — он невесело усмехнулся и после освободил Андрея от верёвок.

И Андрей впервые в жизни начал доверять людям. Точнее — своему опекуну. Дмитрий Сергеевич сделал ему документы, купил одежду, помог окончить сначала лицей, а потом и университет. Дальше была практика в известной фирме, а после — совместные раскопки.

Спустя год после смерти Лёши они познакомились с той самой рыдающей девчонкой. Как оказалось, у неё был сын — внук Дмитрия Сергеевича. В тот день он был по-настоящему счастлив. Дмитрий Сергеевич долго плакал, целовал внука, обнимал девушку и без конца благодарил её за то, что она подарила ему продолжение сына.

Сначала он, конечно, отчитывал её за то, что она не сообщила ему о беременности. Но потом обнимал, утешал и принимал её объяснения. Девушка просто боялась, что он не поверит, и скажет, что ребенок не Лёшин, или решит, что она пользуется его горем. Она дождалась, пока малыш родится, и только когда стало ясно, что малявка — точная копия отца, они пошли знакомиться с дедом, а заодно и с «приёмным дядей» в лице Андрея.

Теперь Андрей и Димка — которого называли в честь деда — души не чаяли друг в друге. Они всё делали вместе: футбол, карате, плавание, походы. Маленький Димка никогда не был обделён мужским вниманием.

— Ну, что там такое, Андрюш? — голос Дмитрия Сергеевича ворвался в его воспоминания. Лифт уже опустился, и опекун шагнул в сырую темноту шахты.

— Пап, ты сейчас просто упадёшь от того, что я тебе покажу.

Дмитрий Сергеевич тепло улыбнулся на слово «папа» — такое всё ещё редко можно было услышать от Андрея. Сделав вид, что ничего не произошло, он командирским тоном шуточно приказал:

— Ну давай, удивляй, раз уж на то пошло. А то я уже грешным делом думал, что мы целый месяц торчим тут впустую, протираем штаны зря и в ущерб государству.

Где-то во Вселенной

— Далор Рисар...

— Светящей Вам Теокрии, латер Минколь'т!

— Рад твоему возвращению, далор.

— Рад был вернуться, господин латер.

Высокий мужчина, чья фигура казалась почти чёрной тенью в тусклом освещении зала, поднялся с массивного трона из тёмного вентариума. Его шаги гулко уходили в своды, пока он спускался к визитёру.

— Оставим формальности, Рисар. Жду доклада. Есть хорошие результаты? — Минколь'т замер в шаге от него.

Он пытался сохранить маску ледяного спокойствия, подобающую его посту, но голос чуть дрогнул.

Рисар сглотнул. Он ненавидел быть вестником смерти.

— Боюсь огорчить Вас, господин латер. Никаких результатов... — он опустил взгляд, не в силах выносить ожидание в глазах адмирала.

— Я надеялся на вас, далор... — выдохнул тот, и в этом выдохе слышалась вековая усталость.

Пауза затянулась.

— Боюсь, мы обречены, господин адмирал!

Минколь'т медленно закрыл глаза и провёл ладонью по жестким, коротко стриженным волосам, словно пытаясь стереть головную боль.

— Хм... Вы быстро переняли их терминологию, Рисар...

Улыбка, которая появилась на его лице, была лишена радости. Скорее судорога, чем улыбка. Когда он ещё мог позволить себе подобную вольность в присутствии подчинённого.

— Их военные звания проще, господин адмирал, — тихо ответил Рисар.

— И удобнее?

— Да.

Минколь'т усмехнулся краем губ и подошёл к столу из тёмного материала.

— Завидую им, генерал. Ведь вы теперь «генерал» по-земному? У них есть всё. Мир, полный жизни. Будущее, потенциал, о котором нам остаётся только говорить.

Адмирал налил в тяжёлый бокал тёмную жидкость. Алкоголь с Земли обжёг горло, но не принёс привычного онемения.

— А они этого не ценят.

Рисар молчал.

— Единственные, кто биологически совместим с нами, но при этом совершенно нам не подходят, — продолжил адмирал тише.

Он поставил бокал обратно на стол.

— Древняя, угасающая цивилизация, смотрящая на тех, чей расцвет ещё впереди.

Тишина снова осела между ними.

— Возвращайтесь обратно, Рисар из клана Моракс. Продолжайте работу. На вас последняя надежда нашего вида.

Рисар напрягся. Сама мысль о возвращении на ту далёкую базу казалась ему пыткой. Он уже набрал воздуха, чтобы заявить о бессмысленности дальнейших поисков, но холодный, режущий голос адмирала пресёк протест:

— Это приказ, генерал!

Рисар дёрнулся, словно от хлесткой пощёчины. Челюсть сжалась так сильно, что зубы скрипнули.

— Есть, господин адмирал... — с ядовитым нажимом выделил он звание.

Развернувшись, далор направился к выходу, но у самых дверей его настиг вопрос, от которого воздух в кабинете, казалось, мгновенно замёрз:

— Вы не нашли Зорака?

Рисар замер. Его костяшки пальцев побелели, вцепившись в рукоять ножа на поясе.

— Боюсь, что нет, господин адмирал!

Ему хотелось выкрикнуть: «Не произносите при мне имя предателя! Он труп, как только мы его поймаем!» Но он лишь коротко кивнул, подавляя ярость.

— Позвольте удалиться, латер...

— Хорошего полёта, далор.

— Оставайтесь под светом Теокрии, латер Минколь'т.

Пару месяцев пути в этой консервной банке! Бездна Лариш! И ради чего? — яростно думал Рисар, шагая по пустому коридору. Гнев пульсировал в висках, заглушая страх перед будущим, которого у его народа, возможно, уже не было.

ГЛАВА 1. СКОТЧ С ЛИМОНОМ

*Из двух зол я всегда
выбираю то, которое раньше не
пробовала.*
Мэй Уэст

ЛИССА

Я зашла в паб. Нет, не так **Я наконец-то** зашла в паб.

И вообще, зачем люди приходят в такие места? Одним нужно встретиться с друзьями, попить пива и обсудить, что начальник снова не оценил их «уникальные компетенции». Такие ребята садятся у окна и смеются громче, чем нужно. Паб для них — как семейная терапия, только с картошкой фри и дешёвым пивом.

Другие приходят расслабиться после тяжёлого дня. Они заказывают «что покрепче» и замирают, уставившись в телевизор, где идёт футбол. Лишь бы никто их не трогал. Это их короткий отпуск. Пятьдесят грамм в рюмке — и всё, душа где-то на Бали.

А есть мы. Категория третья. Особая каста. Мы ходим по пабам с невидимым радаром. Притворяемся, что изучаем меню, хотя на самом деле сканируем чьи-то скулы в поисках знакомств, и в глубине души надеемся, что именно этот паб станет началом нашей истории. Что кто-то подойдёт и спросит: «*Ты одна?*» — и не закончит фразой: «*Если одна, можно я заберу твой стул?*» Мы ищем не просто вечер, а хоть какую-то надежду в бокале иронии и капле вермута.

Ладно, я немного утрирую.

Я здесь не для того, чтобы набраться в стельку и очнуться в дешёвом мотеле с мутным незнакомцем. Мораль и домашнее воспитание не позволяли опуститься до такого уровня. А зря! Иногда стоило бы. Я хотела помнить всё. Каждый момент. Мой «первый раз» должен был случиться с симпатичным, культурным и совершенно незнакомым мужчиной. Без романтической попсы и утренних неловких прощаний.

О чём это я? Ах да. Меня зовут Лисса. Мне двадцать. И я ещё девственница. Боже, звучит как диагноз. Хорошо, что излечимый. И я пришла сюда именно за этим лечением.

Ха, ха, ха! Нервничаю если что.

И да, вы не ослышались. Дев-стве-ни-ца! ЭТО преследует меня везде. Я думаю об этом всегда и никак не могу от этого избавиться.

Я не специально. Как-то так получилось, что последний год мне было совсем не до секса. Мой папа умер, и некогда было обращать внимание на мой «бутон, олицетворяющий свежесть и неприкосновенность».

Паб-кафе-ресторан (это была какая-то странная комбинация) был приличный, даже с претензией на гламур. Здесь я надеялась встретить кого-то столь же приличного, но без излишнего лоска. Не люблю гламурных.

Последний раз я была здесь год назад. Мы с девчонками отмечали День взятия Бастилии по приглашению нашей коллеги-француженки. Боже, что это был за вечер. Мы соревновались с самыми патриотичными французами:

«*Liberté, Égalité, Fraternité!*» А ещё: «*Je suis venu. J'ai vu. j'ai vaincu!*» — в переводе: «Пришёл. Увидел. Победил!»

Что там наши пьяные глаза *видели* и во что наши мозги *верили*, уже не вспомнить. Но кричали громко, слаженно, с блеском в глазах и под чёткий дирижёрский взмах нашей французки. Откуда она так научилась дирижировать? До сих пор не знаю.

Но, вопреки нашим опасениям, нас не выгнали и полицию не вызвали. Как выяснилось позже, администратор заведения тоже оказался родом из Франции, и ему было чертовски приятно, что такие, кхм, *очаровательные барышни*, как мы, отмечают столь важный для него национальный праздник. Почти как дома, только громче и пьянее. Чуть ли не до слёз. Дом далеко, а тут — шальные «парижанки» в мини и с акцентом. Кто бы устоял? Вот и он не устоял. Парижанкой только одна из нас была.

В этот раз всё выглядело спокойнее. Интерьер: скатерти, деревянные стулья, мягкие диваны. По телевизору — новости, конечно же, Сибирские пластины. Опять! Да сколько же можно?!

«Археологи обнаружили в Восточной Сибири так называемые Сибирские пластины — загадочные артефакты с неизвестными символами и формулами. Материал, из которого они изготовлены, внешне напоминает металл, но по весу ближе к пластику. Он частично подвержен коррозии, несмотря на внешнее сходство с кевларом. Учёные утверждают: вещество не входит в таблицу Менделеева, что может свидетельствовать о его внеземном происхождении. По одной из версий, пластины были частью устройства для хранения или передачи информации. Расследование продолжается.»

Я даже не стала дослушивать очередной выпуск новостей, которые вот уже полгода крутят на всех каналах. Одно и то же, до тошноты. Уверена, если постараться, можно повторить наизусть с любой интонацией. Новых фактов — ноль, и вряд ли появятся. По крайней мере, для таких простых смертных, как я. Да даже если что-то и открылось, всё давно засекретили. Расчехлят их лет через сто, когда уже будет неважно. И, честно говоря, чему тут удивляться? Любой здравомыслящий человек и сам додумается: вселенная — слишком огромна, чтобы мы были в ней одни.

Гоняя вселенские мысли по пути к одному мужчине из персонала, я случайно поймала своё отражение в витражном стекле.

Ну что ж, вполне себе. По мнению окружающих — а у них, между прочим, тоже есть глаза — я: *«прекрасная молодая девушка со светло-русыми волосами, локоны которых мягко ниспадают на плечи, лицо утончённое»* По описаниям, я почти героиня любовного романа. Причём самого дешёвого, с полки у кассы.

Ха!

И знаете что? Всё это описание я действительно стырила из одного такого романа. Примерно с той сцены, где главная героиня встречает миллионера на мотоцикле под дождём, без шлема и локоны у неё, как в описании, — ниспадающие.

Из всего этого правда только то, что я действительно русая. Но, как ни крути, окружающие считают меня красивой. А кто я такая, чтобы с ними спорить и лишать людей иллюзий? Люди же стараются, делают комплименты. Надо же поддерживать веру в человечество.

Фигура? О, да-а-а. Мечта. Чья? Не уточняю, но факт остаётся фактом: спина прямая, осанка королевская, грудь именно такая, какая должна быть при моих пропорциях.

Вот такая я. Красивая, уверенная и очень скромная.

И да, вторую часть про фигуру и телосложение я тоже нагло стащила из книги.

Под едва уловимым и почти призрачным конвоем сотрудника, то ли администратора, то ли официанта, чью роль я так и не успела определить, я направлялась к свободному столику, за который мне предстояло сесть. Он располагался практически в эпицентре зала. Странное место. Формально, ты вроде находишься в гуще событий, но ощущаешь себя в некоем «слепом пятне», где центр вовсе не кажется таковым.

Дошла до своего столика, нарочито беззаботной походкой — в своих любимых каблуках и с той уверенностью, которую дарит хороший макияж и намерение изменить свою жизнь. На мне было надето белое тоненькое платье, готовое хоть для алтаря. Не уточняю какого, но мы с вами знаем два типа: при замужестве и жертвенный.

Но вернёмся к нашему «ресторану», если, конечно, можно так называть это гламурное логово городских эстетов. Атмосфера заведения была настолько вылизана до блеска, что казалась почти театральной, и местные новости совсем не вписывались в эту идиллию.

Мне подали меню. Вежливые приветствия, дежурные улыбки, навязчивое предложение местного крафта. Но я сразу отсекала гастрономические прелюдии, отшутившись, что сегодня мой градус должен быть значительно выше.

— Виски с содовой, — сказала я, — и две дольки лимона, пожалуйста.

Не самый типичный выбор для меня, но сегодня он был обязательным элементом ритуала. Немного горечи. Немного свежести. И лёгкая цитрусовая надежда, что вечер всё-таки сложится.

Устроившись поудобнее, я начала неторопливо рассматривать соседние столики, разумеется, ради статистики. Неподалёку сидела парочка: он — в светлой рубашке с закатанными рукавами, с чуть растрёпанными волосами, словно только что вышел из рекламы кофе. Она — миниатюрная брюнетка с живыми глазами и смехом, который разливался по залу, будто каждый рассказанный им анекдот был шедевром стендапа.

Да, смеялась она чуть громче, чем стоило бы в таком «элегантном» месте, но выглядело это... мило. Настолько мило, что мне даже стало немного завидно. Они смотрели друг на друга с такой откровенной нежностью и ненасытным интересом, будто каждый взгляд был их личным поцелуем. Мистер «влюблённые глаза» поднял взгляд и поймал мой как раз тогда, когда я залипла на них уже несколько минут — тоже с глупой улыбкой на губах. Он подмигнул мне, я не смутилась и подмигнула ему в ответ, но тут же отвела глаза и сделала глоток виски, который в этот момент показался намного крепче, чем пару минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.